

**Семь новелл о любви и один роман
Осипа Мандельштама
(К 135-летию поэта, дата рождения 14 января 1891 г.)**

«И море, и Гомер – всё движется любовью».
(О. Мандельштам)

Я мог бы начать свою работу с его знаменитых строк:

*За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, –
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.*

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...*

и рассказать о взаимоотношении поэта с суровым XX веком, в котором Мандельштаму выпала судьба яростно жить и трагически умереть.

Или начать так:

*«Бессоница, Гомер, тугие паруса...
Я список кораблей прочел до середины...
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся».*

и рассказать об акмеизме – течении, в котором поэт участвовал, о его тяге к эпическим, античным образам.

А, возможно, лучшим началом были бы следующие строки, которые демонстрируют всю оригинальность, весь необыкновенный и потрясающий талант О.М.:

*Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую все, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и все...*

А еще впору было бы рассказать о взаимоотношении поэта и власти, напомнив следующие строки:

*В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея.
О, если б распахнуть, да как нельзя скорее,
На Адриатику широкое окно.*

Да, я мог бы начать и так, и эдак, но только процитирую своё давнее стихотворение «Памяти Мандельштама», в котором всё это уже сжато перечислено:

*Его везли в вагоне для скота
Всё дальше на восток в сибирские леса,
Но повторяли все в цинге уста:
«Бессоница, Гомер, тугие паруса».*

*И там до смерти он замерз,
Но мёртвый шлёт нам речь живую:
«Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную...»*

*Итак, прости его, страна,
За то, что был тебя мудрее,
Аорта порвана и Троя сожжена:
«Власть отвратительна, как руки брадобрея»!*

Ну, а рассказ мой будет об одной, но, пожалуй, главной теме его стихов: (да куда уж поэтам от неё уйти!) – вечной теме любви.

Итак, начинаю первую из любовных новелл нашего сегодняшнего героя.

И сразу обозначим принятые сокращения: Осип Эмильевич Мандельштам – О.М., Надежда Яковлевна Мандельштам – Надежда М.

Новелла № 1 Марина Цветаева: Откуда такая нежность...

Что может быть прекрасней, но призрачней, чем любовь двух великих поэтов?!

Молодые люди познакомились в 1915 г. в доме М. Волошина в Коктебеле, но более тесное общение завязалось в начале 1916 г. Встречи их длились на протяжении полугода и были наполнены нежностью, страстью и теплом. Желание находиться всё время рядом было обоюдным.

Летом 1916 г. их отношения, как влюблённых, прекратились. Последующие случайные встречи уже не вызывали трепета и восхищения. В это время (с февраля по июнь 1916г.) и состоялся поэтический диалог, к которому литераторы отнесли 10 стихотворений Цветаевой и 3 произведения Мандельштама.

В начале января 1916 г. Марина Цветаева в первый и последний раз была в Петербурге; в снежный «нездешний вечер» для всех поэтов серебряного века Петербурга (Гумилев был на войне, а Ахматова в Крыму...) она одна, за всю поэтическую Москву, читала и читала без устали, а просили еще и еще, свои стихи... Мандельштам, потрясенный и смущенный, подарил Цветаевой свою зеленую, как изумруд, книгу стихов «Камень» с надписью «Петербург, 10 января 1916 года... Книга-памятка Марине Цветаевой...».

20 января Марина вернулась домой, в Борисоглебский переулок. Влюбленный, увлеченный Мандельштам поехал за ней следом, возвращался в Петербург и снова, по зову сердца, приезжал в Москву.

Они узнали стихи друг друга, взаимно были пленены и восхищены ими! Для Мандельштама это был период трудной, неутоленной любви, наездов и бегств... Марина, со своим стихийным, независимым характером, писала ему в Петербург, сразу после встречи уже прощаясь с ним:

*Никто ничего не отнял!..
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст...*

*Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед,
Целую Вас, – через сотни
Разъединяющих лет...*

Марина Цветаева пишет в личном дневнике, наверное, всем знакомые строки: «Чудесные дни с февраля по июнь 1916 года, когда я Мандельштаму дарила Москву, и не так много мне в жизни писали хороших стихов...»

Мандельштам воспринял все, что так романтически взволнованно чувствовала и любила Марина, но сдержаннее, строже, по-петербургски.

С этого стихотворения в поэзию Мандельштама вошла лучезарная любовная лирика. И Марина в своей душе ощущала теплый свет и трепет, это было похоже на предчувствие любви, иначе она не написала бы такие светлые строки, посвященные Мандельштаму:

*Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий
С ресницами – нет длинней?!*

И еще! Вот эти удивительно чистые стихи Мандельштама, посвященные Марине Цветаевой...

*Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы.*

*От монастырских косогоров
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг.
Но в этой темной деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться – значит быть беде.*

*Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой.
Я знаю, он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
От бирюзового браслета
Еще белеет полоса.
Тавриды огненное лето
Творит такие чудеса.*

*Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла.
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была!
Нам остается только имя,
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.*

Прошли годы, остыла любовь, пришли новые увлечения и страсти, но встреча двух удивительных поэтов подарила нам эти удивительные бессмертные строки! «Нам остается только имя» – Марина и Осип.

Новелла № 2 Княжна Саломея или просто Соломинка...

Княжна Саломея Николаевна Андроникова (1888-1982) – феерическая звезда и одна из самых примечательных женщин Серебряного века, меценат, модель многих портретов и адресат многих стихотворений известных поэтов. Она была одной из самых заметных и значимых фигур Серебряного века, но при этом сама не занималась творчеством.

У княжны Саломеи Андрониковой было совершенно другое предназначение: вдохновлять поэтов и художников, быть хозяйкой литературного салона, блистать в обществе. Судьба подарила Саломее Андрониковой множество ярких встреч и незабываемых впечатлений. Она не писала музыку, не имела никакого отношения к театру или литературе, однако была той, кого называли музой и вдохновительницей.

Благодаря Осипу Мандельштаму, она получила трогательное поэтическое прозвище *Соломинка* и стихотворение с таким же названием, ей посвящённое.

Красота Саломеи была такова, что ею восхищались даже женщины. Восторженная Ахматова дарила ей именные сборники. За ее портреты брались все художники и художницы того времени: Петров-Водкин, Серебрякова, Сомов и др. Нрав женщины был под стать внешности – самоуверенный, яркий, немного мальчишеский и авантюрный.

Осип Мандельштам был влюблен в неё после расставания с Мариной Цветаевой в декабре 1916 года. Откроем его знаменитое стихотворение «Соломинка».

*Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью – что может быть печальней –
На веки чуткие спустился потолок,*

*Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей!*

*В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их – такая тишина!
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.*

*Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над черною Невой,
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Струится в воздухе лед бледно-голубой.*

*Декабрь торжественный струит свое дыханье,
Как будто в комнате тяжелая Нева.
Нет, не соломинка – Лигейя, умиранье, –
Я научился вам, блаженные слова.*

(декабрь 1916 г.)

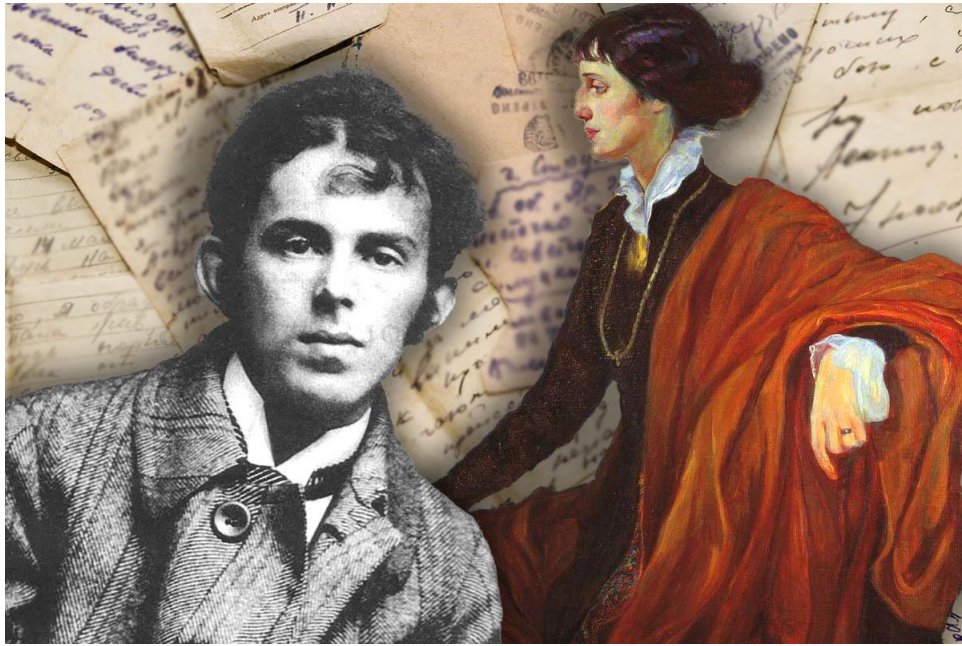
P.S. Был ещё и вариант таких строк:
*«Я запечатаю на много поколений
Твой маленький багрянородный рот»...*

Новелла № 3 Анна Ахматова – Великая Кассандра

Да, можно только позавидовать нашему герою: он любил и был по-своему любим не только Мариной Цветаевой, но и Анной Ахматовой. Правда, они, в первую очередь, ценили его как необыкновенного поэта...

Впрочем, в своих воспоминаниях Ахматова писала: «Для меня он не только великий поэт, но и человек, который, узнав, как мне плохо в Фонтанном Доме, сказал мне, прощаясь (это было на Московском вокзале в Ленинграде): «Аннушка (он никогда в жизни не называл меня так), всегда помните, что мой дом – ваш».

Они были знакомы ещё с 1911 года. Но наиболее частыми их встречи были в эпоху Октябрьской революции 1917 года.

Из воспоминаний Анны Ахматовой: «Я познакомилась с О. Мандельштамом весной 1911 года. Тогда он был худощавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с ресницами в полщеки. Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917-18 годах. К этому времени относятся все обращённые ко мне стихи: «Кассандра» («Я не искал в цветущие мгновенья...»), «Твоё чудесное произношение...». Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре четверостишия: 1) «Вы хотите быть игрушечной...» (1911), 2) «Черты лица искажены...» (10-е годы), 3) «Привыкают к пчеловоду пчёлы...» (30-е годы), 4) «Знакомства нашего на склоне...» (30-е годы). После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что может дать людям материал для превратного толкования характера наших отношений. После этого, примерно в марте, Мандельштам исчез. Тогда все исчезали и появлялись, и этому никто не удивлялся...»

Любовь отступила, но дружеские отношения остались между ними до конца жизни О.М.

А его знаменитая «Кассандра», посвященная Анне Андреевне, переживет века!

*Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре торжественного бденья
Воспоминанья мучат нас.*

*И в декабре семнадцатого года
Всё потеряли мы, любя;
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...*

*Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике, на берегу Невы
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы.*

*Но, если эта жизнь – необходимость бреда
И корабельный лес – высокие дома,–
Я полюбил тебя, безрукая победа
И зачумленная зима.*

*На площади с броневиками
Я вижу человека – он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон.*

*Больная, тихая Кассандра,
Я больше не могу – зачем
Сияло солнце Александра,
Сто лет тому назад сияло всем?*

P.S. Здесь Ленин – человек на броневике, Солнце Александра – солнце нашей поэзии – Александр Пушкин, а Кассандра (в переводе с греческого Кассандра означает «сияющий человек» или «пророчица») – Анна Ахматова.

Новелла № 4 Ольга Гильдебрандт-Арбенина – муза и страсть Мандельштама

В 1920 году супруги Мандельштам вынуждены были расстаться почти на полтора года. Поэт жил в Петрограде в знаменитом Доме искусств, Надежда Мандельштам осталась в Киеве. На чтении стихов в Доме поэтов он познакомился с актрисой Александринского театра Ольгой Арбениной-Гильденбрандт.

Между ними завязалось то, что Арбенина называла «дружкой», а Мандельштам никак не называл и страдал молча. Актриса говорила, что «обращалась с ним, как с хорошей подругой, которая всё понимает», а он держался почтительно и относился к ней как к принцессе и большому ребёнку. Именно ей он посвятил самый большой в его творчестве любовный цикл. Если в любовной лирике Мандельштама 1910-х чувство практически бесплотно и воспринимается посредством литературных сопоставлений, то «арбенинский» цикл – земной, почти плотский, но стихи при этом не утрачивают высокой символичности.

Как писала позже в своих воспоминаниях его современница Ирина Одоевцева: «...в Петербурге Мандельштам увлекся молодой актрисой, гимназической подругой жены Гумилева. Увлечение это, как и все его прежние увлечения, было «катастрофически губительное», заранее обреченное на неудачу и доставило ему немало огорчений». Мандельштамовские чувства носили глубоко лирический характер, – в своих мемуарных записях Ольга Арбенина так охарактеризовала их: «Он любил детей и как будто видел во мне ребенка. И еще – как это ни странно, что-то вроде принцессы...».

Среди прочих О.М. в это время написал Арбениной стихотворение «Я наравне с другими», где изображал любовь как муку, пытку и искушение.

*Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересоших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.
Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь.
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.
Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе,
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,*

*Меня к тебе влечет
Искусанный в смятеньи
Вишневый нежный рот.
Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя,
И все, чего хочу я,
Я вижу наяву.
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.*

И эта любовь прошла. А прекрасные стихи продолжают жить...

Новелла № 5 Ольга Ваксель. Жизнь упала, как зарница...

Ольга Ваксель (далее – О.В.) принадлежала к кругу старой петербургской интеллигенции. Ольга, или Лютик, как её называли родные, рано проявила художественные и музыкальные способности, начала учиться рисованию, игре на рояле и на скрипке, рано научилась читать и читала очень много. Она отличалась замкнутостью и мечтательностью. Была замужем, потом развелась. Осип же Эмильевич был буквально ослеплён О.В. в 1924 г., был сражен мгновенно. В то время она уже превратилась в гармонично-красивую женщину, которая очаровывала и поэтичностью, и одухотворённостью облика, естественностью и простотой обращения. На ней лежала, по словам многих, знавших её, печать чего-то трагического.

Анна Ахматова сказала о ней: «Ослепительная красавица». От признанной всеми чаровницы Ахматовой трудно было ожидать такой похвалы.

Надежда М. об О.В. говорила очень тепло: «То была какая-то беззащитная принцесса из волшебной сказки, потерпевшая в этом мире. Она переживала тогда трудную пору и каждый вечер приходила рыдать на моём плече...».

Осип Эмильевич вообще был очень влюбчивым человеком, «тонким ценителем тонких душ», как было сказано где-то позднее, а тут еще и родственная натура – сошлись два человека близких духовно, с общностью интересов... Это был странный роман. О.В. познакомилась с Надеждой Яковлевной – женой О.М., очень полюбила эту «умную, теплую и сердечную женщину», как писала она сама в своих воспоминаниях. Ее смущал и мучил, а иногда и смешил тот треугольник, который образовался из-за чувств поэта к ней. Он настойчиво приглашал ее к себе домой, говорил ей о чувствах, о том, что увлечен ею. «Он был большим поэтом и неудачником в жизни» – заметит в своих мемуарах Ольга Ваксель.

Вероятно, она не оставалась равнодушной к проявлениям чувств поэта, к его строкам, написанным тайно и посвященным ей. Но она не могла брать то, что не принадлежало ей. Она не могла предать женщину, которую считала подругой и которая уже начинала видеть, ревновать и страдать. «Для того чтобы увидеть меня лишней раз и говорить о своей любви ко мне, он изыскивал всевозможные способы встреч... Он отчаянно цеплялся за остатки здравого смысла», – с горечью пишет О.В.

«Когда я пришла сказать, что более не смогу бывать у них, он пришел в такой ужас, плакал, становился на колени, уговаривал меня пожалеть его, говорил в сотый раз, что он не может без меня жить и так далее... Скоро я ушла и больше у них не бывала», – продолжает Ольга Ваксель.

Она сама оборвала этот странный, полувоздушный роман, в стиле Серебряного века, но кто знает – может не раз потом, за два года жизни в далекой Скандинавии, она вспоминала слова и мечты Мандельштама о поездке в Париж, о горячем чае в холодной его квартире, о встречах в Фонтанном дворце, где жила Ахматова и где собирались поэты, известные и не очень, и до глубоких белых ночей читали стихи.

А дальше судьба распорядилась так: Лютик, то есть Ольга Ваксель, натура увлекающаяся и эмоциональная, вышла замуж и уехала жить с мужем в Стокгольм, где неожиданно для всех покончила с собой в 1932-м году.

Остались пять бессмертных стихотворений О.М. с посвящением ей, в том числе и это – необыкновенное, как и весь Мандельштам:

*Жизнь упала, как зарница,
Как в стакан воды – ресница.
Изогавшись на корню,
Никого я не виню.*

*Хочешь яблока ночного,
Сбитню свежего, крутого,
Хочешь, валенки сниму,
Как пушинку подниму.*

*Ангел в светлой паутине
В золотой стоит овчине,
Свет фонарного луча –
До высокого плеча.*

*Разве кошка, встрепенувшись,
Черным зайцем обернувшись,
Вдруг простегивает путь,
Исчезая где-нибудь.*

*Как дрожала губ малина,
Как поила чаем сына,
Говорила наугад,
Ни к чему и невпопад.*

*Как нечаянно запнулась,
Изоглась, улыбнулась –
Так, что вспыхнули черты
Неуклюжей красоты.*

*Есть за куколем дворцовым
И за кипенем садовым
Заресничная страна, –
Там ты будешь мне жена.*

*Выбрав валенки сухие
И тулупы золотые,
Взявшись за руки, вдвоем,
Той же улицей пойдём...*

Новелла № 6 «Мастерица виноватых взоров...»

Мария Сергеевна Петровых... Природа одарила эту хрупкую женщину нежнейшей привлекательностью, «сражавшей» мужские сердца наповал без каких-либо с её стороны усилий – такой ей повезло родиться.

И современникам казалось, что, по большому счёту, на свет она появилась ради того только, чтобы исторгнуть высокие слова восхищения и любви из груди одного из лучших поэтов России, непревзойдённого мастера слова, Осипа Мандельштама. Марией Петровых О.М. был безответно увлечен зимой 1933-34 гг.

Тогда, в 1934-м, взрывы страсти Мандельштама, перед стихами которого Мария Сергеевна благоговела, общением с которым весьма дорожила, как и мужское соперничество с ним молоденького сына Ахматовой Льва

Гумилёва, её смущали, тяготили, вносили дополнительное напряжение в переломное для всей её жизни время. Не до кокетства тогда ей было, неотразимая привлекательность срабатывала сама, что не сразу поняла встревожившаяся за сына Ахматова («Зачем вам этот мальчик?»), но точно заметил влюблённый Мандельштам. Так что «мастерицей виноватых взоров» была она в те дни без вины.

Анна Андреевна вряд ли предполагала, что, приведя Марию Сергеевну к Мандельштамам, косвенно поспособствует возникновению этого шедевра.

Из-под пера Мандельштама, влюбленного в Марию, выходит посвященное ей стихотворение, ставшее одним из бриллиантов лирической поэзии 20 века.

Это её, Марию Петровых, почему-то друзьями прозванную «турчанкой», и своё полыхающее неразделённое чувство запечатлел О.М. в лучшем, по определению Анны Ахматовой, любовном стихотворении XX века:

*Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч!
Усмирен мужской опасный норов,
Не звучит утопленница-речь ...
Не серчай, турчанка дорогая:
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
Твои речи тёмные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь.
Ты, Мария - гибнущим подмога,
Надо смерть предупредить - уснуть.
Я стою у твоего порога.
Уходи, уйди, еще побудь.*

(1934)

И ещё хочу привести небольшой диалог той поры между героями этой новеллы:

М. Петровых: – Ну вы и мечтатель!

О.М. – Нет, мечтаю я совсем о другом. Представьте себе картину: маленькая колбасная лавочка. Наденька стоит у прилавка, ты, Машенька, – у кассы. А я, как и все мужчины, в соседней комнате. Стою в дверях и грозно смотрю на покупателей.

– Осип Эмильевич, зачем вы на себя наговариваете? Поверьте мне, когда-нибудь вы станете всемирно знаменитым и вашим именем назовут самый красивый город.

– Этого, милая Маша, не будет никогда. В честь меня даже улицы не назовут. Разве что какую-нибудь яму.

P.S. 14 января – 135 лет со дня рождения Осипа Мандельштама. Ни в Москве, ни в Питере до сих пор нет музея этого великого поэта, даже ямы с его прахом нет...

Новелла № 7 «И всё, что будет, – только обещанье...» – Наталья Штемпель

Весной 1937 года, в последние месяцы своей воронежской ссылки, женатый Мандельштам переживал сильнейшее увлечение Натальей Штемпель. Он пытался соблазнить молодую женщину объяснениями, письмами, в которых величал ее «новой Лаурой», и стихами, но с ее стороны ответа не последовало. Причин было две. Весна 1937 года была началом ее новой жизни – она готовилась к свадьбе. Кроме того, для нее уступка Мандельштаму означала бы предательство дружбы, которая с 1936 года связывала ее с обоими супругами.

Оказавшись в ситуации платонической любви поневоле, Мандельштам обратился к Данте и Петрарке, непревзойденным авторитетам в области платонического почитания Прекрасных дам.

Наталья Штемпель красавицей не была и, что еще важнее, на мужское поклонение не претендовала. Переболев в ранние годы туберкулезом тазобедренного сустава, она навсегда осталась хромой...

Вообще, от практики, которую культивировали Прекрасные дамы Серебряного века, начиная с Любови Блок и кончая Ахматовой, женская идентичность Натальи Штемпель была бесконечно далека. Воспитанная в антииндивидуалистской советской среде, она так и не сумела почувствовать себя Музой Мандельштама, получившей благодаря его стихотворениям пропуск в бессмертие.

В отсутствие Надежды Яковлевны Мандельштам вручил диптих Наталье Штемпель и объяснился с ней. Получилось что-то вроде экзамена, который Наталья Штемпель – как-никак, учитель русского языка и литературы – провалила: «О.М.: «Я написал вчера стихи»... И прочитал их. «Что это?» Я не поняла вопроса и продолжала молчать. «Это любовная лирика, – ответил он за меня. – Это лучшее, что я написал»».

Из воспоминаний Натальи Штемпель:

«Осип Эмильевич продолжал: "Надюша знает, что я написал эти стихи, но ей я читать их не буду. Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом". И после небольшой паузы добавил: "Поцелуйте меня". Я подошла к нему и прикоснулась губами к его лбу – он сидел, как изваяние».

В своих воспоминаниях Надежда Яковлевна так писала об этом стихотворении: «Прекрасные стихи Наташе Штемпель стоят особняком во всей любовной лирике Мандельштама. Любовь всегда связана с мыслью о смерти, но в стихах Наташе высокое и просветленное чувство будущей жизни. Он просит Наташу оплакать его мертвым и приветствовать воскресшего».

I.

*К пустой земле неволью припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идёт – чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Её влечёт стеснённая свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В её походке хочет задержаться –
О том, что эта вешняя погода
Для нас – праматерь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.*

II.

*Есть женищины, сырой земле родные.
И каждый шаг их – гулкое рыданье,
Сопровождают воскресших и впервые
Приветствовать умерших – их призванье.
И ласки требовать от них преступно,
И расставаться с ними непосильно.*

*Сегодня – ангел, завтра – червь могильный,
А послезавтра – только очертанье...
Что было поступь – станет недоступно...
Цветы бессмертны, небо целокупно,
И всё, что будет, – только обещанье.*

8. Роман с Надеждой

Они познакомились 1 мая в Киеве, в клубе с оригинальным названием «Х.Л.А.М», который пользовался тогда невероятной популярностью в творческой среде. На дворе стоял тревожный 1919 год, а Осип Манделъштам, едва переступив порог заведения, обратил внимание на хрупкую девушку, державшуюся подчёркнуто дерзко и независимо. Надежда Хазина успела поступить на юридический факультет, но быстро разочаровалась в будущей профессии, потому университет оставила и решила посвятить себя искусству. Ей было 20, ему 28, они мгновенно почувствовали взаимную симпатию и не стали ей противиться. «Сошлись легко и бездумно», – именно так опишет впоследствии Надежда Яковлевна их первую встречу. О, если бы и жизнь их могла сложиться столь же просто и хорошо, как тот потрясающий майский вечер...

Уже утром 2 мая они купили два простеньких обручальных кольца и были счастливы до тех пор, пока Осипу Манделъштаму не пришлось уехать из Киева. Правда, покидая город в августе 1919 года, он обещал непременно вернуться за своей Наденькой. Он писал ей письма, называл своей радостью и мечтал о новой встрече.

Лишь спустя полтора года они встретились вновь, чтобы теперь уже не расставаться. 9 марта 1922 года они стали мужем и женой. Их жизнь не была

простой никогда. Надежда была легкомысленной девчонкой, жаждавшей праздника и желавшей быть счастливой. Но Осип Мандельштам спросил жену о том, кто же ей сказал, что она должна быть счастливой? И стал диктовать ей свои стихи. Она старательно записывала за ним и никогда не роптала.

Они оба были не особенно приспособлены к бытовым трудностям, но всё же старались не особенно обращать на них внимание. Впрочем, Надежда оказалась весьма неплохой хозяйкой, научилась создавать уют в их доме практически из ничего и даже пекла изумительные пирожки.

«Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно, – вспоминала А. Ахматова. – Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не уходил из больницы и все время жил в каморке у больничного швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще, я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление».

С мужем Надежде Яковлевне приходилось нелегко. Он был живым человеком, влюбчивым и довольно непосредственным. Увлекался часто и много, и, будучи весьма ревнивым по отношению к жене, приводил в дом своих подруг. Происходили бурные сцены. Обо всём этом я рассказал вам в предыдущих новеллах.

Надежда М. никогда не была красавицей, но при этом отличалась весёлым нравом, невероятной стойкостью и умением преодолевать трудности. Это благодаря ей сохранился архив Осипа Мандельштама, были обнародованы подробности его жизни и его смерти.

В 30-е годы им пришлось много лет мыкаться по разным углам. Его совсем не печатали, работы не давали никакой. Однажды Осип Эмильевич сказал жене: «Надо менять профессию – теперь мы нищие». И посвятил ей эти печальные строки:

*Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой - подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.*

*В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен, –
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен...
Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И беден тот, кто сам полуживой
У тени милостыню просит.*

В мае 34-го года О.М. арестовали в первый раз за антисталинские стихи и отправили в далекую Чердынь Пермского края, потом была вторая ссылка в Воронеж. И повсюду Надежда М. сопровождала поэта. А в ночь с 1 на 2 мая

1938 года Осип Эмильевич был арестован в заключительный раз. Больше он никогда уже не увидится со своей Надеждой. Но нам осталось её последнее письмо – документ потрясающей силы:

«Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память.

Осюша – наша детская с тобой жизнь – какое это было счастье. Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу?

Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные бродячие дома-кибитки наши нищенские пиры? Помнишь, как хорош хлеб, когда он достался чудом и его едят вдвоем? И последняя зима в Воронеже. Наша счастливая нищета и стихи. Я помню, мы шли из бани, купив не то яйца, не то сосиски. Ехал воз с сеном. Было еще холодно, и я мерзла в своей куртке (так ли нам предстоит мерзнуть: я знаю, как тебе холодно). И я запомнила этот день: я ясно до боли поняла, что эта зима, эти дни, эти беды – это лучшее и последнее счастье, которое выпало на нашу долю.

Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и каждая улыбка – тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник, мой милый слепой поводырь...

Мы как слепые щенята тыкались друг в друга, и нам было хорошо. И твоя бедная горячешная голова и все безумие, с которым мы прожигали наши дни. Какое это было счастье – и как мы всегда знали, что именно это счастье.

Жизнь долга. Как долго и трудно погибать одному – одной. Для нас ли неразлучных – эта участь? Мы ли – щенята, дети, – ты ли – ангел – ее заслужил? И дальше идет все. Я не знаю ничего. Но я знаю все, и каждый день твой и час, как в бреду, – мне очевиден и ясен.

Ты приходил ко мне каждую ночь во сне, и я все спрашивала, что случилось, и ты не отвечал.

Последний сон: я покупаю в грязном буфете грязной гостиницы какую-то еду. Со мной были какие-то совсем чужие люди, и, купив, я поняла, что не знаю, куда нести все это добро, потому что не знаю, где ты.

Проснувшись, сказала Шуре: Ося умер. Не знаю, жив ли ты, но с того дня я потеряла твой след. Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня? Знаешь ли, как люблю? Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я – дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, – я плачу, я плачу, я плачу.

Это я – Надя. Где ты? Прощай».

27 декабря 1938 года, в наполненный метелью день, Осип Мандельштам умер на нарах среди заключенных лагеря «Вторая речка» в бараке № 11 в районе Владивостока. Его мерзлое тело с биркой на ноге, провалявшееся целую неделю возле лагерного лазарета вместе с телами других «доходяг», было сброшено в бывший крепостной ров уже в новом – 1939 году.

P.S. Так и закончились короткие новеллы и один роман Осипа Мандельштама...

Его могила, как и могила его первой любимой – Марины Цветаевой в Елабуге, не сохранилась, однако надгробный камень поэту установлен в могильной ограде Надежды Яковлевны Мандельштам на Кунцевском кладбище в Москве. Сюда привезена и захоронена земля, извлеченная из братской могилы заключенных лагеря «Вторая речка». Они вместе и после смерти...

Вместо послесловия:

В начале 20-х годов прошлого столетия О.М. работал одно время в Москве в Наркомпросе (комиссариат просвещения) на улице Сретенке. В 1925 году Наркомпрос переехал в дом № 6 по Чистопрудному бульвару.

Так вот, представьте себе, что многие месяцы своего детства я провёл здесь же, на Чистых прудах, в доме № 19! И вот я иду летом 2025 года, то есть, ровно через 100 лет по моим с детства родным Чистым прудам и вижу, как посреди них громоздится большой памятник казахскому акыну Абаю Кунанбаеву, он выполнен из бронзы, представляет собой статую сидящего поэта, которая установлена на каменном постаменте, украшенном национальными узорами и надписью: *«Вечен творец бессмертного слова»*, а сравнительно недалеко, всего в 7 минутах ходьбы оттуда – в Старосадском переулке, гнездится совсем незаметный маленький бюстик Осипа Мандельштама. Вот и всё, что он заслужил от нас...

Прости, Абай! Но лично для меня: именно он – Осип Мандельштам – *вечный творец бессмертного слова...*

Ну, а Надежда Яковлевна Мандельштам пережила своего любимого на целых 42 года. Она написала о своём погибшем муже мужественные и горькие воспоминания – «Вторая книга». Именно Н.М. тайком прятала, а затем, боясь, что рукописи поэта всё равно найдут, просто выучила наизусть многие стихи О.М., которые потом вошли в классику отечественной поэзии. Именно она сохранила для нас его речь навсегда!

Впрочем, уникальный памятник им всё-таки есть, только не у нас, а в далёкой Голландии. Он называется «Памятник любви».

Словно крона, раскачиваемая ветром, замерли в движении мужчина и женщина – неразделимы, неразлучимы, вместе. За плечами у них распростирали крылья не то ангелы, не то птицы.

Это памятник Осипу и Надежде Мандельштамам в Амстердаме....

И глядя на него, я вспоминаю бессмертные строки из булгаковского «Мастера и Маргарита»:

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его».

Осип и Надежда, как Мастера и Маргарита обрели свободу только вместе со своей смертью...

С вами был Михаил Лиознов – член Брянской писательской организации СП России, ведущий авторской рубрики «Поэзия – вся! – езда в незнаемое»